

Человек Дядяпеть

Было такое время на Земле, когда жил на ней человек по имени Дядяпеть. Большой был человек Дядяпеть, важный такой, с усами. В детстве Дядяпеть очень любил пускать по кораблики по весенним ручьям, а когда вырос, то построил большой-пребольшой кораблик из гипсокартона и пачки листочков снегурочковых, да и поплыл себе на этом корабле в Амстердам, чтобы там его, видишь ли, уму разуму научили. А ум-разум ему был просто необходим, чтобы сделать свои кораблики совершеннейшими прекрасными созданиями, вот ей-ей - не просто так - кораблями, а ажно загадками природы целыми! И побольше таких совершенных созданий наклепать чтоб - ну флотяру там, другую, третью. Ведь верно молвят умы народные среди голытьбы смекалистой да выдумщицкой - на флотярах не экономят! И вот взять, да и забаббахать эту флотяру куда подальше - лучше на севера какие болотистые. На болоте-то оно, глядишь, и сподручнее плавать будет в страны заморские да дали дальние.

Да не тут-то было! Ведь именно в Амстердаме начался период, столь интересный лично для Дядяпетя. Выстругал однажды он корабль новый, лоснящийся, весь такой из неизвестного науке материала, да и идёт себе по улицам Амстердама довольнющий, руки в боки - и по карманам их рассовал, шагает вприпляску, аж подпрыгивает. А дорога перед ним лежит длинная-предлинная.. А Дядяпеть довольный-предовольный. А как же иначе может быть, ведь он только что корабль выстругал.

И от радости заходит на автомате в кабинку массажиста - как раз вот подумывал себе массажик сделать, а тут случай такой прекрасный подвернулся - ну вы понимаете, а там стоят три поганки и общаются о своём, о поганочьем, на своём языке, ритмично шкрябая язычками. Язык у них потому что такой - язычками шкрябать нужно. Вот так точно: шварк-шквырк, шкварк-швырк, шкрап-шкарп. Заметили поганочки Дядяпетя, залили его тут же в парафин и говорят по-человечьи, хоть и со словарём: “Ты, вроде, Дядяпеть, хороший человек, да только одного понять никак не можешь: нет житья поганочьей расе на Земле, совсем извели нас люди поганые, расисты чёртовы. Мы не допустим такого глобального геноцида по отношению к нашей нации в шляпках на ножках, поэтому пока ты не найдёшь нам обитель, град, понимаешь, божий, грибам обетованный отныне и вовеки веков, мы от тебя не отстанем. Нам всем нужно гнездо для мицелия, где мы могли бы разрастаться, плодиться и размножаться. Пыльцой пылиться, пылить и опыляться, наконец! А то как же ещё-то нам жить остаётся! А пока что нашлём мы на тебя нашего великого гоблина-омерзья, и да не покинет он тебя, пока грибное гнездо нам не отстроишь!”

И с этими словами поганки разорвали пленяющий парафин напополам и испарились, обратившись в облако спор. Дядяпеть не стал их дожидаться,

накинул плед на плечи да и побежал в одних голых тапочках по Амстердаму, только зад засверкал, но тут дорогу ему преградил маленький зелёный мохнатый гоблин, который, пританцовывая, глумливо проворковал гнусавым голосом, жеманно картавя шепелявыми губами в длинный нос: “Привет! Я - гоблин-омерзья Карлуша, и я нее имею ничего против того, чтобы ты меня наказал. Давай же, давай, детка, накажи меня парочку раз! Или я сражусь с тобой.”

Дядяпеть внимательно разглядел Карлушу и поэтому предпочёл сразиться. Гоблин тут же как выхватит свой длинный мохнатый меч из дамасской стали, да и как начнёт им размахивать в разные стороны, то направо, то налево, поглощая просторы окружающего пространства, что Дядяпеть аж опешил так чутка. Зато Дядяпеть против ворса на мече гоблина Карлуши обрушивал целый шквал эмоций вкупе с закалённым в боях Хобокусенем. Это, знаете ли, оружие такое, по форме гигантский хоботок с крылышками от бабочки напоминающее, как гигантский хоботок с крылышками от бабочки действующее на всех окружающих, да и, по сути, из гигантского хоботка с крылышками от бабочки состоящее же. Вот и скачут они по арене взад-вперёд, Карлуша с шерстистым мечом своим и Дядяпеть весь такой нервничающий. Зато при возникновении опасности Хобокусень по мечу-то как заморосит-заморосит, что из меча аж искры в разные стороны летят, а всё от щекотки этой хоботячей!

Построил Дядяпеть тогда корабль гигантский, как скала, а на скале той плавают черепахи в горном озере, олени бегают, леса топорщатся и щерятся. И видит Дядяпеть, что не корабль это уже, а экое-разэдакое диво дивное да чудо чудное - и ведь впрямь самая настоящая гора высоченная по морю плывёт и не боится ничего и никого, да лишь на волнах легонько так покачивается, как поплавок из пенопласта. А среди оленей, леших и летающих бабочек стоит на самой вершине горы той гоблин зелёный, омерзья который, Карлушей прозванный, да и жучьими своими закрылками переливчатыми плавно так покачивает.

Тут Дядяпеть, знаете ли, не выдержал этого надсмехательства, да и обратился в сияние, и крылья тут же за спиной своей отнюдь не прямой обрёл. Тогда склеились борцы-сраженцы в единоначале двух противоположностей и, взаимопроникнувшись, аннигилировали друг друга, опять-таки, совершенно взаимно. Хитрое их переплетение тогда покатило по небу, светясь и излучаясь, между прочим, в гамма-диапазоне так, что люди радовались всполохам марева северного сияния, даже не опасаясь при этом быть облучёнными, зато опасаясь начала ядерной войны. Но здесь земное притяжение сыграло свою решающую роль и, лишившись в итоге крыльев, подобно Икару, борцы принялись падать, превращаясь в узор кирпичной кладки зародышей нового города.

В конечном итоге, споры разрастающейся грибницы города Дядяпетя

попали в море-океан как раз недалеко от проживания древних племён чуди Великой, да и начали помаленьку, потихоньку да понемногу разбухать кирпичами да каменными кладками, разрастаясь сначала вокруг гипсокартонного дядяпетевого флотика, постепенно преобразующегося по неизвестной даже Амстердаму причине в просмолёно-деревянную и довольно-таки плавучую по воде флотилию!

Мицелий города рос, складываясь в поверхность стен домов, гифы сплетались в деревья и клумбы, фонтаны и кареты, статуи и дворцы, парадные и поребрики, холлы и гостиные, парки и усадьбы, людей, собак, хомячков и даже в произведения искусства. Росли даже грибы, похожие на грибы. Так как город вырос на месте градового выпадения в осадок сраженцев во главе с Дядяпетем, то город так и называли - Петроградом.

У Дядяпетя, который человек - ведь только человек имеют свойство разрастаться мицелиями в города - был ещё один его двойник, ну прямо копия, а звали эту копию Наипресвятейшим Дядяпетем. Он был такой же точно, только с крылышками, голыми пяточками и всегда гладко бритый, в отличие от Дядяпетя, который, конечно, не как Санта Клаус и бороды отнюдь не жаловал, зато щетинкою-то нет-нет да и обрастал местами. Порою.

На самом же деле у Дядяпетя была одна-единственная, зато страшная-престрашная тайна. А заключалась она в том, что никакого Наипресвятейшего астрального двойника у него попросту не существовало, зато было раздвоение личности, хотя об этом интересном факте не знал никто, включая обе его личности, одна из которых обрастала щетинкою, тогда как другая - нет. Зато обе упорно и усердно искренне верили в существование своего астрального альтер-эго.

И всё было бы нормальным в этом Дядяпетевом мире, если бы вскоре не наступил тоталитарный мухоморный террор - красный террор. Так постепенно сформировались две противоборствующие партии - партия белых - партия поганок, задумавших строительство Петрограда, и партия красных - мухоморная партия, оккупировавшая город поганок. И тут вдруг, на бронетрутовике как въедет в город самый главный мухомор, Вовой прозванный! У него даже должность именно так и называлась - самый главный мухомор. В этот момент всё вдруг стало красным-красно в белую крапинку, и именно тогда и начался красный террор.

С Вовой-мухомором, в происхождении которого никто ничуть и не сомневался, поскольку происхождение это не раз изучалось, исследовалось и даже освещалось и обсуждалось в СМИ, связано немало таки-презабавных историй, достоверность которых никогда не ставилось в народе под сомнение: приходит раз человек к самому главному мухомору, а тот сидит, да и гифы свои почёсывает-поглаживает, вальяжно так, будто бы благородный какой нашёлся. Ну человек возьми да и спроси: "Ты чего это, господин-товарищ Вова-мухомор, гифы себе важно так да разэдак чешешь?" "Чешутся гифы, вот и чешу себе

потихоньку-помаленьку”, - отвечает, в свою очередь, Вова. “А сходил бы ты, гриб, в баню что ли, да помылся бы”, - советует тогда чудака-человек. - “Авось эвона как бы вышло, что гифы-то, тудыть их всех в качель, взяли бы - да и того - перестали бы чесаться!” “И то верно!” - соглашается мухомор. - “И как это я сразу не догадался. Помыться ж надо. Глядишь, и впрямь чесать гифы не нужно больше будет. Ну ты ж сокол, хвалю!” - сказав так, Вова-мухомор заткнул венчик себе под шляпку, развернулся и пошёл в баню.

А человек хотел было открыть тоже дверь да выйти, но никак не смог. Это потому что у него вместо рук крылья оказались. И клюв вместо рта. А вы как ещё хотели? Ведь давно всем известно, что с мухоморами шутить нельзя - что они говорят, то так всё дословно и происходит. Вот и здесь так же получилось - назвал Вова мужика соколом - тот в сокола-то и превратился, с крыльями, клювом и на кривых когтистых ногах. То-то же оно! Не шутите, люди, с грибами! Да и разговор этот ни к чему хорошему в итоге не привёл. И вообще ни к чему не привёл, кроме превращения в сокола. А красный террор как был, так и остался почему-то, даже после бани.

Мухоморное право наседования было передано впоследствии господину Бенечке. Жил он себе жил, да не тужил, в вечном городе Риме, пока не понял, что Рим - это уже устаревшая сборка грибницы, тогда как новых и конкурирующих постепенно становится всё больше и больше, причём в геометрической прогрессии. Время такое, видать, что уж тут подделаешь! А ведь всё потому, что совсем недавно прошёл дождь, вот и растут себе вечные города после дождя. По молодости лет, Бенечка очень и очень любил кататься на коньках осенью по отполированному асфальту. Зато зимой не любил. И правильно! Осенью ведь и впрямь гораздо лучше, самое подходящее время и место для катания на коньках, а особенно - для Бенечки! Так вот...едет он как-то верхом на осени, а осень на коньках легонько так покачивается, проседает и проседь пахнет прело-лиственной, как звездопад августовский, будто бы, какой, а навстречу Бенечке выплывает в ту же осень медведь в тельняшке и лаптях - тоже не лыком шитых, вот понимаешь тут!

Медведь, тем временем, рассмеялся-расхохотался, оголил улыбку свою зубастую, лучезарно-белоснежную, как первоклассная колумбийская продукция, да и молвит на чистейшем итальянском, точно бы процеживая все слова через челюсти свои вставные, старомедвежии, в лучших традициях леса: “Беня, Беня, три ужа, едет ж..а на ежа. В небе - плесень, в теле - дрожь. Вот что значит в ж..е ёж!” И так медведь дразнил Бенечку каждый раз, как только видел верхом на коньковой осени фигурного катания. Однажды, во время очередной осенне-асфальтовой тренировки, Беня заметил, что в кустиках что-то очень тихо, прямо-таки, едва заметно шевелится, шуршит и шепуршит одновременно. “Что бы это могло такое быть?” - подумал он, пробормотав, как только слышал шорох в кустах.

Под листьями плавно показался, танцующий вертлявый вальс, буковый ёжик-

шелкопряд. А буковый он оттого, что ёж этот хмур и суров, как самая распоследняя бука. Ну Бенечка тогда решил не отходить от созданного медведем образа и, дабы не обидно было, взял, да и ежа этого, шелкопряда, недолго думая, в зад себе и засунул, поразмыслив, что, мол, уж теперь-то медведь точно никак отвертеться не сможет. Медведь и не отвертелся. Зато отварился в собственном соку от удивления, как только завидел Беню с буковым ёжиком. Лапоть свой лыковый изо рта поразвытянул-поразвытащил! А Беня такой довольный весь, аж румянится с ног до головы, едет, да и хвастается-бахвалится перед медведем: “А у меня теперь ёжик в ж..е, посмотри, посмотри же, косолапый пень в ушанке!” Медведь попробовал, конечно, тоже станцевать что-нибудь эдакое, медвежье, залихватки-лапотное, но, однако же, косолапость его сыграла свою решающую роль в этом соревновании на высшем уровне - не помог танец.

Тогда медведь быстро сориентировался, перегруппировался и заново принялся дразниться: “Едет непонятный тип! Ёжик в зад совсем залип! Хлыст его - почти вожжа! В чём иголки у ежа?”. А Бенечка был тормоз, хоть и крайне быстрый, поэтому каждый раз не мог вовремя остановиться и всё проносился и проносился мимо медведя-дразнюна, не замечая его насмешек, зато продолжая радостно хвалиться своим глубокоуважаемым ёжиком, пока не осознал, отчего медведю так неймётся и отчего тот просто покатывается со смеху, живот свой надрывает. Потому Беня поступил очень просто. Он с медведя шкуру взял да и снял, и шубу сшил, вот так уж у них с медведем получилось. А косолапого с тех пор, почему-то, никто больше и не видел никогда. Много уж лет прошло, вообще-то. Видать, стесняется на улице голышом-то выходить, без шубы, в одних лаптях да сарафане. А может, и не стесняется. Просто чуточку устал мишка, да и прилёг себе на лесной печи почитать да греться, борщик с лавровым листом варить заодно и ушицу ароматную, да так и поживает себе на лаврах понемногу - кто же его, патлатого, знает, с ушами?

В общем и целом, как дела обстоят в действительности - об этом история умалчивает, но царствие бенечкино, как достоверно известно, очень шустро так скукожилось, облезло и подошло к концу, помахивая престарелыми гифами. Тогда закончилась целая эпоха в истории и жизни нашей всеобщей планеты - эпоха царствия мухоморного, и настало царствие поганочье, ознаменовавшее приход новой эры. В которую мы все живём и поныне.

***Белоусов Роман,
08 октября 2011 года.***